

Научная статья  
УДК 930:01, 930:02  
doi: 10.17223/15617793/487/7

## Память миграционных сообществ в принимающем обществе: модели мнемонической адаптации и режимы видимости

Андрей Александрович Линченко<sup>1, 2, 5</sup>, Даниил Александрович Аникин<sup>3, 4, 6</sup>

<sup>1</sup> Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

<sup>2</sup> Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

<sup>3</sup> Саратовский национальный исследовательский государственный университет  
имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

<sup>4</sup> Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

<sup>5</sup> AALinchenko@fa.ru

<sup>6</sup> dandee@list.ru

**Аннотация.** Раскрывается важное значение пространства коллективной памяти как среды взаимодействия принимающего общества и внешних мигрантов в рамках публичного дискурса, а также теоретические возможности использования нового термина «мнемоническая адаптация». На основе разработанных ранее четырех сценариев динамики культурной памяти анализируются четыре модели мнемонической адаптации. Проанализированы ключевые визуальные темы публичного дискурса, которые определяют особенности режима видимости мигрантов как сообществ памяти применительно к каждой модели мнемонической адаптации.

**Ключевые слова:** миграционные сообщества, культурная память, мнемоническая адаптация, режимы видимости, динамика культурной памяти, транснационализм, гибридная идентичность

**Источник финансирования:** статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

**Для цитирования:** Линченко А.А., Аникин Д.А. Память миграционных сообществ в принимающем обществе: модели мнемонической адаптации и режимы видимости // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 55–64. doi: 10.17223/15617793/487/7

Original article  
doi: 10.17223/15617793/487/7

## Memory of migrant communities in the host society: Models of mnemonic adaptation and regimes of visibility

Andrei A. Linchenko<sup>1, 2, 5</sup>, Daniil A. Anikin<sup>3, 4, 6</sup>

<sup>1</sup> Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation

<sup>2</sup> Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

<sup>3</sup> Saratov State University, Saratov, Russian Federation

<sup>4</sup> Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

<sup>5</sup> AALinchenko@fa.ru

<sup>6</sup> dandee@list.ru

**Abstract.** In this article, based on the methodology of transnationalism, the theoretical possibilities of using the new term “mnemonic adaptation” in relation to both the host society and communities of migrants were revealed. The importance of collective memory as an environment for interaction between the host society and external migrants within the framework of public discourse was also analyzed. Based on four scenarios of the dynamics of cultural memory in the situation of migration flows, the authors identified and analyzed four models of mnemonic adaptation, where two indicators act as the main criteria for typology: the gradient as the degree of difference between the country of origin for migrants and the host society (both in terms of economic indicators and on the basis of the similarity or difference of cultural patterns of behavior) and density as the degree of awareness by migrants of their collective identity (regardless of how much this commonality took place in the conditions of country of origin). Accordingly, such models were analyzed as: 1) “weak gradient – low density”; 2) “strong gradient – low density”; 3) “weak gradient – high density”; 4) “strong gradient – high density”. The authors found that the derivative of the selected indicators is the degree of actorship of the migrant community

in the social space, which in turn sets the appropriate regime of visibility of migrants in the public discourse of the host society. The article analyzed the key visual themes of public discourse that determine the features of the regime of visibility of migrants as communities of memory in relation to each model of mnemonic adaptation. In each model, the regime of visibility is set by a combination of visual themes presented in different ways in public discourse and related to the reflection of the policy of incorporating the collective memories of migrants in the host society, the presence in public discourse of images of the past of the country of origin, its traditions and elements of festive culture, ways of resolving conflict situations that arise between communities of memory of migrants and the host society, as well as self-representation of the voices of autobiographical and family memory of migrants in the host society.

**Keywords:** migrant communities, cultural memory, mnemonic adaptation, regimes of visibility, cultural memory dynamics, transnationalism, hybrid identity

**Financial support:** The study was supported by Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00503.

**For citation:** Linchenko, A.A. & Anikin, D.A. (2023) Memory of migrant communities in the host society: models of mnemonic adaptation and regimes of visibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 55–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/487/7

Всякий, кто берется писать о современных обществах, не может не учитывать важную роль глобальных миграционных процессов в современной социальной динамике. Совершенно уместной в этой связи представляется трактовка современных обществ как «миграционных», когда проблемы интеграции внешних мигрантов играют все большую роль во внутренней политике страны. Сама интеграция мигрантов является дифференцированной, где одними из наиболее сложных признаются проблемы культурной интеграции. Транснациональная парадигма и ее отказ от методологического национализма заставляют современных исследователей перенаправлять «исследовательскую оптику с групп, обладающих четкой локализованностью, на группы, чьи члены вовлечены в кросс-границные и мультилокальные процессы и практики» [1. С. 16]. Еще одним следствием транснационального подхода оказывается одновременное изучение как принимающего общества, так и страны исхода, перенаправление исследовательского фокуса на транснациональные социальные пространства и сообщества. Например, вне всяких сомнений, что таким транснациональным пространством является современный музей, который, выступая одним из важнейших институтов культурной памяти, оказывается одновременно и эффективным инструментом символической и интеграционной политики современных миграционных обществ. Следует согласиться с Лоуренс Гурьевидис, которая подчеркивает, что современные музеи в странах Евросоюза и Северной Америки все больше сталкиваются с целым рядом вызовов: 1) влиянием публичных дискурсов и политик разнообразия на то, как история мигрантов представлена в музеях; 2) ролью музеев как агентов социальных изменений и слома парадигмы методологического национализма; 3) изменением мемориальной функции музеев как медиаторов признания и инклюзии [2. Р. 2]. Обозначенные вызовы явно выходят за пределы музеологии и свидетельствуют об актуальности социально-философского подхода, где вопрос о готовности музеев, равно как и других институтов культурной памяти, выступать в качестве агентов культурной интеграции мигрантов переносится в плоскость

обсуждения мнемонической адаптации принимающего общества и иммигрантов по отношению друг к другу. Именно этому и будет посвящена данная статья, целью которой является теоретическая рефлексия об основных моделях мнемонической адаптации современных обществ, о месте и роли в процессах мнемонической адаптации сообществ мигрантов как акторов политики памяти в принимающем обществе, а также о применении данных выводов в контексте обсуждения режимов видимости мигрантов в публичном дискурсе принимающего общества.

Изучение взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества как динамики коммеморативных практик требует соответствующей теоретической интерпретации понятия «культурная память», переноса акцента с изучения его структуры на изучение его динамики. В наших недавних публикациях нам уже приходилось писать о важном значении критики концепта «культурная память» в контексте перехода к изучению множественных мемориальных культур или культур воспоминаний (Erinnerungskulturen) [3]. Однако тезис о множественности мемориальных культур является только предпосылкой для более широкой социально-философской постановки вопроса о динамике культурной памяти, вариант осмысления которой был также предложен нами в одной из недавних статей [4]. Специфика изучения современной культурной памяти была проанализирована нами сквозь призму трансформации пространственной методологии. Мы постарались показать, что на смену метафорам региона и сети приходит метафора потока, которая позволяет сосредоточить внимание исследователей на непрерывных процессах конструирования прошлого в процессе взаимодействия различных сообществ. В этой связи в контексте критериев направленности, плотности и интенсивности миграционных потоков [5] нами были выявлены и проанализированы четыре сценария влияния миграционных потоков на трансформацию представлений о прошлом: 1) слабый градиент – низкая плотность; 2) сильный градиент – низкая плотность; 3) слабый градиент – высокая плотность; 4) сильный градиент – высокая плотность [4]. Примечательно, что каж-

дый из описанных выше сценариев создает свою особую ситуацию гибридной идентичности, по-разному актуализирующую формы коллективной памяти представителей принимающего общества и сообществ мигрантов. Наиболее подходящей трактовкой идентичности в этой связи оказывается интерпретация идентичности, данная Р. Брубейкером. Как показывает Р. Брубейкер, более уместным представляется говорить не об идентичности, а об идентификации: «Она призывает нас определить агентов, которые производят идентификацию <...> то, как человек идентифицирует себя и как он идентифицируется другими, может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными» [6. С. 90]. Он резюмирует: «...идентификация привлекает внимание к сложным (и часто амбивалентным) процессам, тогда как термин «идентичность», обозначающий скорее положение, чем процесс, с излишней легкостью предполагает соответствие между индивидуальным и социальным» [6. С. 94]. Процессуальный характер гибридной идентичности сохраняет актуальность понятия «адаптация» в сфере изучения миграционных процессов. О различных видах адаптации в зарубежной и отечественной науке написаны, без преувеличения, сотни книг и тысячи статей [7, 8]. В свете интересующей нас темы мы хотели бы привлечь внимание читателя к непривычному термину «мнемоническая адаптация», проанализировать возможности его использования в словаре понятий теории миграции, определить его содержание и выявить основные характеристики.

В современных исследованиях миграционных процессов давно уже используется вполне устоявшийся термин «культурная адаптация» (или «социокультурная адаптация») как разновидность более широкой в логическом отношении социальной адаптации. Не является ли в этой связи использование нового термина «мнемоническая адаптация» избыточным? Ведь помимо социальной адаптации мигрантов, являющейся предметом широкого круга дисциплин, изучающих миграцию, важную роль в деле изучения адаптации мигрантов, вынужденных переселенцев и беженцев играют психологи, в среде которых давно уже используется множество эффективных методик коррекции негативных и травмирующих воспоминаний. Например, отечественный психолог В.В. Константинов, выделяя шесть типов социально-психологической адаптации (адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный), говорит о ностальгическом типе адаптации как одном из негативных вариантов вследствие того, что мигранты оказываются склонными к деструктивным стратегиям аккумуляции (сепарация, маргинализация) [9]. В таком случае память мигранта оказывается своеобразным психологическим барьером к его успешной адаптации и интеграции. Здесь также можно было бы вспомнить и о явлении депривации, когда домиграционные ожидания оказываются неоправданными и способствуют кризису личности или даже социальной/этнической

группы. Однако в зарубежных исследованиях наличествует и иная точка зрения. Так, в предисловии к междисциплинарному сборнику «Память и миграция: мультидисциплинарные подходы исследований памяти» Джулия Крит отмечает, что «память, во всех своих формах, физическая, психологическая, культурная и семейная играет ключевую роль в отношении контекстов миграции, иммиграции, переселения и диаспор <...> память обеспечивает преэминентность дислокациям индивидуальной и социальной идентичности» [10. Р. 3]. На этот же факт указывают редакторы еще одного международного сборника статей Елена Тосич и Моника Палмбергер, отмечая, что «воспоминания соединяют места, защищают и устанавливают новые формы социальных отношений. Прошлое играет особенно заметную роль во времена мобильности и биографических разрывов» [11. Р. 1]. Как видится, проблема лежит не только в особенностях разделения психологической и социокультурной адаптации, имеющих свою специфику интерпретации, на что в свое время еще верно указывали Д. Берри и К. Уорд [12, 13]. На наш взгляд, более правильным будет говорить как о конструктивном, так и о деструктивном характере влияния памяти мигрантов (автобиографической, групповой, культурной) на их интеграцию в принимающее общество и формы взаимодействия с ним. Вопрос, следовательно, лежит в тех социальных рамках, в которых память мигрантов будет иметь конструктивный или деструктивный смысл для их адаптации.

Под культурной интеграцией мигрантов обычно понимается процесс усвоения ими государственного языка, а также основных характеристик взаимодействия с местными сообществами. При этом практически игнорируется мемориальный аспект миграционных процессов, т.е. речь идет о том, что мигранты должны быть интегрированы в новое сообщество, причем по умолчанию предполагается, что это сообщество останется прежним по своим социально-психологическим и культурным характеристикам. На самом деле любой миграционный процесс в современном обществе запускает механизмы взаимодействия различных мемориальных практик, что может привести к непредвиденным последствиям, поскольку несовпадение представлений об определенных исторических событиях может послужить дополнительным фактором развития межкультурных или межэтнических конфликтов. Именно поэтому принципиально важным является выяснение точек соприкосновения между миграционными потоками и траекториями развития культурной памяти, определения форм взаимовлияния между ними. В таком случае выделение отдельного направления в рамках адаптации мигрантов, связанного с памятью, представляется вполне уместным. При этом здесь надо понимать, что, с одной стороны, мнемоническая адаптация является частью более широкой психологической/социокультурной адаптации мигранта, а с другой стороны, вследствие фундаментального значения памяти для развития как отдельной личности, так и общества она оказывается условием любой формы и вида адаптации человека. В этом смысле мы могли бы

перефразировать известную поговорку «Время лечит» в высказывание «Память адаптирует».

Каким же образом можно было бы определить мнемоническую адаптацию мигрантов, учитывая, во-первых, психологический и социокультурный контекст, а во-вторых, понимание адаптации и как процесса, и как результата? Мы могли бы определить мнемоническую адаптацию как процесс включения индивидуальных и коллективных воспоминаний мигрантов в структуру культурной памяти принимающего сообщества с целью формирования гибридной идентичности. Говоря более расширительно, речь идет о процессе освоения личностью мигранта/сообществом мигрантов новой социокультурной ситуации и о включении в принимающее общество. Как видится, данный процесс освоения предполагает совокупность индивидуальных и культурных стратегий и практик формирования смысла жизни мигранта / смысла существования сообщества мигрантов, способствующих формированию гибридной идентичности и использующих как исторический опыт страны исхода, так и исторический опыт страны поселения. Говоря проще, мнемоническая адаптация – это изменение конфигурации пространства памяти отдельного человека или сообщества мигрантов, превращающее память в источник созидания нового смысла, а не в барьер, в инструмент его разрушения.

Мнемоническая адаптация является не только процессом, происходящим в индивидуальной памяти, но и возможна как коллективная практика. Если в случае индивидуальной памяти акцент делается на создание автобиографического нарратива и осмысление человеком уникальности прожитого жизненного пути, то в случае коллективной / культурной памяти речь идет о конструировании нового образа прошлого посредством медиа, общественных коммемораций, а также использования институтов культурной памяти как инструментов подобной адаптации. Также было бы ошибкой говорить об одностороннем процессе, поскольку изменяется и культурная память принимающего общества. В данном случае мнемоническая адаптация предполагает постепенную деконструкцию «параллельных» сообществ памяти и создание условий для культурного обмена. Уже цитировавшийся выше В.В. Константинов справедливо отмечает, что «в процессе адаптации происходит, с одной стороны, формирование адаптивной природы личности, а с другой – создается среда адаптации. Результатом столкновения личности адаптанта с носителями новой культуры является актуализация дуального свойства открытости/сопротивления к культурным феноменам среды адаптации, что выражается в приспособлении или противостоянии при выборе способа реагирования на те или иные воздействия среды адаптации. Как следствие, личность и принимающая среда, обогащая друг друга, определяют новые контексты взаимодействия, тем самым изменяя содержание реальных взаимодействий мигранта с окружающим его миром» [9. С. 9]. Становится понятно, что адаптация

необходима и принимающему обществу. Также следует заметить, что в среде самих мигрантов трудно выделить какой-либо единый и универсальный механизм мнемонической адаптации. В соответствии с этим необходимо конкретизировать представленное выше абстрактное толкование мнемонической адаптации в виде описания ряда ее моделей. Теоретической основой для классификации данных моделей для нас будут являться четыре сценария влияния миграционных потоков на трансформацию представленной о прошлом, обозначенные выше.

В качестве основных критериев типологизации выступают два показателя: градиент как степень различия между исходным для мигрантов обществом и принимающим обществом (как с точки зрения экономических показателей, так и на основании сходства или различия культурных моделей поведения) и плотность как степень осознания мигрантами своей коллективной идентичности (вне зависимости от того, насколько эта общность имела место в условиях общества исхода). Важной производной от указанных показателей является степень акторности миграционного сообщества в социальном пространстве, которая, однако, зависит не столько от характеристик мигрантов, сколько от взаимосвязи миграционных сообществ (в данном случае мы используем это понятие как характеристику совокупности мигрантов в определенном обществе, а не как свидетельство наличия сформированной коллективной идентичности) и принимающего сообщества. Само понятие «актор» в контексте жарких социологических дискуссий второй половины XX в. характеризуется в весьма широком диапазоне от индивидуалистической трактовки в феноменологическом или этнометодологическом ключе до производной от социальной структуры в теории действия А. Турена. В рамках данного исследования стоит говорить об акторности в рамках трех существенных характеристик – обладание определенной коллективной идентичностью (это снимает противоречие между индивидуальным и групповым пониманием актора), способность к совершению социального действия, а также обязательное наличие других социальных акторов, относительно которых происходит как выстраивание идентичности, так и конкуренция за распределение или присвоение ресурсов в конкретном сегменте социального пространства. Специфика исследования миграционных сообществ предполагает, что возможность рассмотрения их как акторов должна дополняться конституированием принимающего сообщества также как социального актора (либо совокупности акторов).

В случае модели «слабый градиент – низкая плотность» мы говорим о личных предпочтениях мигрирующих индивидов, что связано с низким влиянием мигрантов на принимающее общество. На повседневном уровне это означает горизонтальную социальную мобильность, которая не сопровождается кардинальными изменениями в культурной памяти, поскольку, как правило, само подобное перемещение осуществляется

между регионами с близкими культурными показателями. Соответственно, разрыв между мемориальными практиками сообществ – исходного для мигрантов и принимающего оказывается несущественным. В условиях современной российской действительности примером реализации данной модели является внутренняя миграция между регионами, которая оказывается обусловлена в большей степени личными причинами (вступление в брак) либо индивидуальными траекториями профессионального самоопределения (переезд в другой регион, где может быть сильнее востребован профессиональный опыт индивида, но при этом общий уровень социально-экономического развития приблизительно совпадает). В таком случае мнемоническая адаптация состоит не только в приспособлении к культурной памяти принимающего общества, но и в определенной презентации нетипичности своего опыта прошлого в сравнении с социальным окружением. Мнемоническая адаптация в данном случае необходима прежде всего мигранту, чтобы не потерять свой личный автобиографический опыт. Конфликтность в таком случае проявляется в виде несогласия с отдельными традициями и ценностями культурной памяти принимающего общества. С точки зрения акторности такая модель характеризуется достаточно слабыми характеристиками как миграционного, так и принимающего сообщества. В силу отсутствия принципиальных различий между исходными и принимающими обществами исчезает основание для формирования конкурирующих коллективных идентичностей, а потенциальная конфликтность оказывается связанной, скорее, с особенностями индивидуальной мнемонической адаптации, автобиографическая траектория – с новым социокультурным контекстом. Данная модель демонстрирует низкую степень видимости миграционного сообщества, поскольку его контуры оказываются размытыми и не противопоставленными принимающему сообществу, особенно в тех случаях, когда условием перемещения являлось изначально наличие родственных или дружеских связей.

В случае модели мнемонической адаптации «Сильный градиент – низкая плотность» мигранты из-за политико-правовых причин не могут массово перемещаться в интересующие их общества. Такая модель миграции возникает в тех ситуациях, когда различие в экономическом уровне не сказывается на увеличении количества мигрантов в силу политических, культурных или языковых препятствий. Относительно немногочисленные мигранты, которые оказались способны преодолеть установленные барьеры, максимально заинтересованы в интеграции в инокультурное пространство, что предполагает их готовность к усвоению чужих мемориальных практик. Учитывая отсутствие возможности создания устойчивых миграционных сообществ, индивиды включаются в уже существующие практики, при этом достаточно легко отказываясь от собственных образов культурной памяти. В таком случае селективность миграционной политики принимающего общества не позволяет сформироваться устойчивым сообществам

памяти мигрантов, создавая предпосылки конформного поведения. Конфликты культурной памяти мигрантов и принимающего общества возможны, но в большей мере протекают в неявной форме и в виде защитного конфликта. Мнемоническая адаптация в данном случае уже не оказывается только частью автобиографической работы личности, но приобретает характер культурной практики. Однако в большей мере она оказывается необходима именно мигрантам, поскольку противостоять традициям и ценностям культурной памяти принимающего общества они оказываются способны лишь на уровне отдельных тактик (в смысле идей М. де Серто).

Естественно, что наиболее характерным примером данной модели является перемещение мигрантов из исходного общества, уже склонного к атомизации и слабости социальных связей, в принимающее общество, которое отличается превалирующими экономическими и культурными характеристиками, что сразу становится существенным препятствием если не для сохранения связей с исходным сообществом, то для сохранения у конкретных мигрантов представлений о временности пребывания. Например, если первая модель описывала систему перемещения между близлежащими или схожими по базовым характеристикам российскими регионами, то вторая – перемещение индивида из провинции в столичный регион, характеризующийся не только более высоким уровнем жизни, но и специфическими культурными практиками, требующим включенности и миметичности. Слабая акторность миграционного сообщества совмещается с наличием сильного актора (или акторов) в сообществе принимающем, что приводит к искажению визуального ряда. Мигранты (именно как отдельные индивиды, а не представители сообщества) могут становиться «видимыми», но только в том случае, если они демонстрируют следование практикам принимающего сообщества, включенность в доминирующий мнемонический дискурс.

В случае модели «Слабый градиент – высокая плотность» мы наблюдаем формирование полноценных сообществ памяти, воспроизводящих культурные практики и традиции страны исхода. Принимающее общество не демонстрирует тотального экономического или культурного доминирования, поэтому миграционные сообщества не пытаются интегрироваться в имеющуюся структуру мемориальных практик, а стремятся к сознательной пространственной сегрегации, выделению своих повседневных практик в замкнутый сегмент социального пространства. Соответственно, степень конфликтности с принимающим обществом возрастает и принимает явные формы, а также может выражаться не только в защитном, но и в статусном типе конфликта. В отношении мнемонической адаптации ситуация усложняется, поскольку приспособляться приходится как мигрантам, так и принимающему обществу. Если в предыдущем случае адаптационная активность направлена преимущественно со стороны мигрантов в сторону принимающего общества, то в дан-

ной модели мы говорим о взаимной адаптационной активности, что становится залогом сохранения гражданской стабильности. Разумеется, выбор такого сценария мнемонической адаптации является достаточно затруднительным именно в силу осознания миграционными сообществами своего автономного положения и высокой конкурентоспособности с местным населением. Высокая плотность в такой модели необязательно связана с особенностями исходного общества (коллективизм, родовое мышление, доминирование «сильных» связей и т.д.), а может возникать как конкурентное преимущество по отношению к гетерогенному и атомизированному принимающему сообществу уже в условиях эмиграции. Усиление акторности миграционных сообществ может выражаться в различных формах – от формирования полноценных диаспор (прежде всего, в условиях иноязычного социума) до складывания достаточно аморфных «землячеств». Несформированность или слабость принимающих акторов приводит к достаточно резкому визуальному выделению именно миграционных сообществ, которые нуждаются не только в сохранении собственных мемориальных практик, но и в их репрезентации, и даже продвижении в общем культурном пространстве.

И, наконец, в случае четвертой модели «сильный градиент – высокая плотность» речь идет как о трансформации принимающего общества, усилении его неоднородности, так и о размывании коллективной идентичности мигрантов в силу того, что миграционный поток распадается на отдельные локальные сообщества, вырабатывающие собственные стратегии встраивания в отдельные локации пространства памяти. В таком случае конфликтность не исчезает, но изменяет свои базовые параметры. Линия конфликта лишь изначально проходит между мигрантами и принимающим сообществом, в дальнейшем она усложняется и может включать в себя конфликтные ситуации уже между теми мигрантами, которые встроились в социальную структуру принимающего общества, и «новыми» мигрантами, претендующими на ту же экономическую нишу. Речь идет не столько о противостоянии внутреннего (принимающее общество) и внешнего (мигранты), сколько о конфликтности внутри каждого из сообществ культурного взаимодействия (принимающее общество и мигранты). Как правило, именно в рамках данной модели происходит всплеск фундаменталистских мировоззрений в миграционной среде, что отражается в расслоении поколенческих мемориальных практик на умеренные (адаптирующиеся к принимающему сообществу) и радикальные (конструирующие определенную историческую идентичность, отсылающую к изначальному месту проживания мигрантов). Соответственно, мнемоническая адаптация оказывается направленной не только по отношению к другим, но и происходит внутри самих сообществ. Она оказывается реакцией на трансформацию самого сообщества и изменение структуры памяти и статуса в коммеморативном пространстве культуры. Другими словами, изменяться и приспосабливаться приходится всем.

Самое интересное, что в данной модели акторность миграционного сообщества существенно ослабевает, что связано, однако, не с особенностями самого сообщества, а с общим плюралистическим рельефом социального пространства, в силу чего равноправными участниками транснационального взаимодействия оказываются самые различные культурные, социальные, этнические группы. Мигранты просто теряются на фоне общего многообразия, утрачивая свою исходную противопоставленность принимающему сообществу как единому актору. Наиболее характерной чертой режима видимости миграционного сообщества в данной ситуации становится своеобразное «визуальное мерцание», при котором сообщество обладает возможностями демонстрации своей акторности в публичном пространстве, но выступает лишь в качестве одного из сегментов плюралистического социума. Очень точно данную ситуацию отражает агонический подход к нарративам мигрантов, в последние годы развиваемый Хансом Лауге Хансеном. Он подчеркивает, что «агонистические нарративы миграции – это истории, способные одновременно противостоять двум взаимодополняющим и гегемонистским дискурсам о миграции, антагонистическому, неонационалистическому дискурсу, представляющему мигранта как угрозу, и гуманитарному дискурсу, представляющему мигранта в качестве жертвы. Вместо этого агонистические нарративы нацелены на формирование альянсов посредством протеста и действий против неравенства и дискриминации» [14. Р. 1].

Критически настроенный читатель, по-видимому, будет ждать от нас далее описания конкретных примеров стран, которые могли бы проиллюстрировать соответствующие модели миграции и мнемонической адаптации. Однако, на наш взгляд, говорить о страновой специфике реализации данных моделей было бы не самым продуктивным шагом. Это связано с тем, что даже в рамках отдельной страны (например, Германии) мы могли бы увидеть в исторической перспективе все представленные модели мнемонической адаптации мигрантов. Говоря другими словами, модели мнемонической адаптации ситуативны и контекстуальны, а значит, в первую очередь реагируют на динамику политики памяти принимающего общества. И здесь как раз публичный дискурс оказывается важным индикатором, позволяющим зримо увидеть наличие или отсутствие процессов мнемонической адаптации как в принимающем обществе, так и в сообществах мигрантов. В этой связи важным методологическим шагом оказывается анализ тех визуальных тем, которые задают особенности режима видимости мигрантов как сообществ памяти применительно к каждой модели мнемонической адаптации.

Современные исследователи в России и за рубежом склонны анализировать формы присутствия или отсутствия тех или иных социальных явлений в публичном дискурсе в контексте различных режимов видимости, которые оказываются более чувстви-

тельным инструментом анализа общественных репрезентаций и саморепрезентаций [15–18]. Не является исключением и миграционная тема в публичном дискурсе, уже неоднократно становившаяся предметом изучения за рубежом [19–22]. Категория «видимость» осмысливается сегодня как социальный процесс, сочетающий в себе области эстетики и политики, когда различные социокультурные символы используются в качестве ресурсов воспроизводства и оспаривания тех или иных социальных позиций. Подчеркивается, что подобный процесс предполагает модусы социальной видимости, невидимости и гипервидимости [23. С. 125]. Вместе с тем вряд ли приходится сегодня говорить о наличии какой-либо единой схемы анализа режимов видимости в публичном дискурсе, поскольку сами режимы видимости, во-первых, производны от акторов, а во-вторых, от специфики самой проблемной ситуации и окружающего социального контекста. Так, например, в работе Элис Массали, посвященной режимам видимости сирийских беженцев в репрезентации негосударственных организаций стран Евросоюза, анализировались четыре основные визуальные темы, позволяющие классифицировать различные режимы видимости: 1) отражение политической ситуации и политических символов в визуальных материалах о беженцах; 2) видимость и невидимость протестов беженцев в их оспаривании своих гражданских прав; 3) видимость и невидимость угроз для беженцев на их пути из Сирии в принимающие страны, равно как и угроз для них в принимающих странах; 4) видимость голосов отдельных беженцев в гуманитарной коммуникации [19. Р. 169].

В нашем случае требуется выявление иных визуальных тем, которые учитывали бы в первую очередь перспективу транснационального подхода и его анализа коммеморативных практик, а также были бы ориентированы на предложенные нами выше модели мнемонической адаптации.

Первая визуальная тема является отражением в публичном дискурсе самой политики инкорпорирования коллективных воспоминаний мигрантов в принимающем обществе, уровня участия сообщества памяти мигрантов в символической циркуляции образов прошлого. При этом важно учитывать проведенное М. Бэнксом различие между двумя составляющими визуального образа – контентом и контекстом, что задает принципиально различные ракурсы исследовательского анализа, которые, однако, нуждаются во взаимном дополнении [24]. С одной стороны, мы анализируем содержание конкретного визуального образа, касающегося исторической памяти конкретного мигранта, приписывая ему определенное значение. Но проблема заключается в том, что это значение зачастую является очевидным лишь для наблюдающего субъекта с совершенно иным культурным и интеллектуальным бэкграундом, нежели сам представитель миграционного сообщества. Поэтому, с другой стороны, необходима рефлексия и над контекстом возникновения визуального образа, сопровождающаяся выясне-

нием подробностей по поводу того, кто именно сформулировал данный образ и с какой целью. Например, музейная экспозиция, содержащая в себе визуальные образы прошлого, должна рассматриваться не только как объективная репрезентация прошлого, но и как продукт деятельности конкретного куратора, реализующего поставленную перед ним задачу и в этом смысле формирующего набор визуальных образов, каждый из которых обретает смысл лишь в контексте построенной экспозиции.

Вторая визуальная тема указывает на присутствие в публичном дискурсе образов прошлого страны исхода, ее традиций и элементов праздничной культуры. И здесь тоже важным элементом формирования режима видимости оказывается вопрос о том, кто участвует в формировании визуального контента – сами мигранты или какие-либо внешние акторы. Разница между акторами задает весьма существенные отличия между самими режимами видимости, поскольку набор визуальных образов для самого мигранта будет представлять собой сложную комбинацию индивидуальных и коллективных предпочтений, отражающих его отношение к самым различным сообществам – от семьи до нации. Как отмечает А. Печурина, «окружая себя значимыми материальными объектами, индивид чувствует и выражает свою принадлежность к определенной нации. Он будто вольно или невольно организует свою повседневную жизнь согласно неформальным правилам: тому, как “там” принято делать что-то “по-нашему”». Таким образом, материальные предметы выступают своеобразными «жизненными документами», изображающими и репрезентирующими повседневную культуру мигрантов» [25. С. 213].

Третья визуальная тема указывает как на использование образов прошлого в конфликтных ситуациях, возникающих между сообществами мигрантов и принимающим обществом, так и на их применение для поиска возможных путей разрешения конфликтов. В рамках данной темы также репрезентируются общественный и политический активизм мигрантов и их сообществ на поле политики памяти принимающего общества. Можно сказать, что данная тема является наименее «видимой» с точки зрения государственных акторов политики памяти именно в силу своего конфликтного характера, провоцирующего использование стратегий замалчивания или реинтерпретацию данных образов прошлого в контексте, который оказывается наиболее выгоден для подчеркивания продуктивного совместного функционирования. Хотя не стоит исключать и обратный эффект – политическое формирование такого режима видимости, который будет лишь подчеркивать конфликтность миграционных образов прошлого для обоснования неприемлемости либо самого миграционного сообщества, либо способов его сосуществования с принимающим обществом. То есть в рамках данной визуальной темы можно наблюдать конкуренцию различных режимов видимости, зачастую сопровождающуюся прямыми

столкновениями по поводу применения/исключения визуальных образов прошлого.

Наконец, четвертая визуальная тема, как и в случае, описанном в работе Элис Массали, связана с саморепрезентацией голосов автобиографической и семейной памяти мигрантов в принимающем обществе. В каком-то смысле она является наиболее интересной, поскольку демонстрирует многообразие различных стратегий совмещения «первичных» и «вторичных» образов прошлого, в контексте которого даже само различие этих образов утрачивает значение. По сути, любая подобная визуальная репрезентация ориентируется на тот исключительный социальный и культурный контекст, в который включен конкретный мигрант, но именно выявление общности за мишурой индивидуальных стратегий и представляется наиболее важным в контексте социальных исследований современных миграционных процессов.

Данные темы оказываются своеобразными индикаторами для каждого конкретного режима видимости, присущего соответствующей модели мнемонической адаптации, что в итоге позволяет нам сравнивать эти режимы между собой. Другими словами, в каждой модели мнемонической адаптации режим видимости задается комбинацией данных визуальных тем, по-разному представленных в публичном дискурсе: в музеях, средствах массовой информации, интернет-сообществах, кинематографе, литературе и театре. Однако анализ специфики каждой комбинации в конкретном медиуме – дело дальнейших исследований, выходящее за пределы данной теоретической статьи.

Таким образом, транснациональная парадигма и ее отказ от методологического национализма заставляют современных исследователей перенаправлять исследовательскую оптику на кросс-границные и мультилокальные процессы и практики, учитывать сложность самого принимающего общества и важную роль культуры и традиций страны исхода в повседневных практиках сообществ мигрантов. В дан-

ной статье было раскрыто важное значение пространства коллективной памяти как среды взаимодействия принимающего общества и внешних мигрантов в рамках публичного дискурса, а также теоретические возможности использования нового термина «мнемоническая адаптация» применительно как к принимающему обществу, так и к сообществам мигрантов. На основе четырех сценариев динамики культурной памяти в ситуации миграционных потоков нами были выявлены и проанализированы четыре модели мнемонической адаптации, где в качестве основных критериев типологизации выступают два показателя: градиент как степень различия между исходным для мигрантов обществом и принимающим обществом (как с точки зрения экономических показателей, так и на основании сходства или различия культурных моделей поведения) и плотность как степень осознания мигрантами своей коллективной идентичности (вне зависимости от того, насколько эта общность имела место в условиях исходного общества). Было выявлено, что производной от указанных показателей является степень акторности миграционного сообщества в социальном пространстве, которая, в свою очередь, задает соответствующий режим видимости мигрантов в публичном дискурсе принимающего общества. В каждой модели мнемонической адаптации режим видимости задается комбинацией визуальных тем, по-разному представленных в публичном дискурсе и связанных с отражением политики инкорпорирования коллективных воспоминаний мигрантов в принимающем обществе (образы прошлого страны исхода, ее традиции и элементы праздничной культуры, пути разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между сообществами памяти мигрантов и принимающего общества, представленные в публичном дискурсе), а также саморепрезентацией голосов автобиографической и семейной памяти мигрантов в принимающем обществе.

#### Список источников

- Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслочальность / под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 14–29.
- Gourievidis L. History, diversity and the politics of memory // *Museums and migration. History, memory, politics* / ed. by L. Gourievidis. London : Routledge, 2014. P. 1–25.
- Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // *Диалог со временем*. 2019. № 66. С. 5–18.
- Аникин Д.А. Трансфер прошлого: культурная память в условиях миграционных потоков // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 66–72. doi: 10.17223/15617793/452/7
- Иванов Д.В. К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 8–16.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
- Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов. М. : «Дашков и Ко», 2015. 219 с.
- Дмитриев А.В., Воронов В.В. Адаптация и интеграция полиэтничного пространства регионов России: проблемы, рекомендации. М. : Новый Хронограф, 2017. 184 с.
- Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе : дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2018. 329 с.
- Creet J. Introduction: The Migration of Memory and Memories of Migration // *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies* / ed. by Julia Creet and Andrea Kitzmann. Toronto : University of Toronto Press, 2011. P. 1–30.
- Tošić J., Palmberger M. Introduction: Memories on the Move—Experiencing Mobility, Rethinking the Past // *Memories on the Move Experiencing Mobility, Rethinking the Past* / M. Palmberger, J. Tošić (Eds.). London : Palgrave MacMillan, 2012. P. 1–15.
- Berry J.W. Acculturation and Psychological Adaptation // *Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien* / K.J. Bade (Hg.). IMIS-Schriften, Bd.1. Osnabruck, 1996. S. 171–186.
- Ward C. Acculturation // *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA : Sage, 1996. P. 124–147.



14. Hansen H.L. On Agonistic Narratives of Migration // *International Journal of Cultural Studies*. 2020. № 1. P. 1–17.
15. Dimitrov R. Silence and invisibility in public relations // *Public Relations Review*. 2015. № 41 (5). P. 636–651.
16. Ericson R.V., Haggerty K.D. *The new politics of surveillance and visibility*. Toronto : University of Toronto Press, 2006. 400 p.
17. Coombs D., Park H.-Y., Fecho B. A silence that wants to be heard: Suburban Korean American students in dialogue with invisibility // *Race Ethnicity and Education*. 2014. № 17 (2). P. 242–263.
18. Jones R.D., Robinson J., Turner J. *The politics of hiding, invisibility, and silence: Between absence and presence*. London : Routledge, 2016. 126 p.
19. Massari A. *Visual Securitization. Humanitarian representations and migration governance*. Cham : Springer, 2021. 204 p.
20. Falk F. Invasion, infection, invisibility: An iconology of illegalized immigration // *Images of illegalized immigration: Towards a critical iconology of politics*. Bielefeld : Transcript, 2010. P. 83–100.
21. Bleiker R., Campbell D., Hutchison E., Nicholson X. The visual dehumanisation of refugees // *Australian Journal of Political Science*. 2013. № 48 (4). P. 398–416.
22. Sigona N. The politics of refugee voices: Representations // *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies* / E. Fiddian-Qasmieh, G. Loescher, K. Long, N. Sigona (Eds.). New York : Oxford University Press, 2013. P. 369–376.
23. Хабидулина З.Р. Ислам и гендер в интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 119–137.
24. Banks M. *Visual Methods in Social Research*. London : Sage, 2001. 212 p.
25. Печурина А. «Там русский дух...»: вещи в доме как способ визуализации идентичности мигрантов в Великобритании // *Визуальная антропология: настройка оптики* / под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 212–228. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

## References

1. Kapustina, E. & Borisova, E. (2021) Obzor teoreticheskoy diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [A review of the theoretical discussion on the concept of transnationalism]. In: Brednikova, O. & Abashin, S. (eds) “*Zhit’ v dvukh mirakh*”: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal’nost’ [Living in two worlds: rethinking transnationalism and translocality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 14–29.
2. Gourievdis, L. (2014) History, diversity and the politics of memory. In: Gourievdis, L. (ed.) *Museums and migration. History, memory, politics*. London: Routledge. pp. 1–25.
3. Buller, A. & Linchenko, A.A. (2019) Kul’turnaya pamyat’ kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural memory as a subject of philosophical reflection]. *Dialog so vremenem*. 66. pp. 5–18.
4. Anikin, D.A. (2020) Transfer of the past: Cultural memory in the context of migration flows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 66–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/7
5. Ivanov, D.V. (2012) K teorii potokovykh struktur [On the theory of flow structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 8–16.
6. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost’ bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
7. Nesterova, A.A. & Suslova, T.F. (2015) *Konstruktivistskiy i sotsial’no-psikhologicheskii podkhody k izucheniyu faktorov zhiznesposobnosti i adaptatsii migrantov* [Constructivist and socio-psychological approaches to the study of the factors of migrants’ viability and adaptation]. Moscow: Izdatel’sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko”.
8. Dmitriev, A.V. & Voronov, V.V. (2017) *Adaptatsiya i integratsiya polietnicheskogo prostranstva regionov Rossii: problemy, rekomendatsii* [Adaptation and integration of the multi-ethnic space of Russian regions: problems, recommendations]. Moscow: Novyy Khronograf.
9. Konstantinov, V.V. (2018) *Sotsial’no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v prinimayushchem polikul’turnom obshchestve* [Socio-psychological adaptation of migrants in the host multicultural society]. Psychology Dr. Diss. Saratov.
10. Creet, J. (2011) Introduction: The Migration of Memory and Memories of Migration. In: Creet, J. & Kitzmann, A. (eds) *Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies*. Toronto: University of Toronto Press. pp. 1–30.
11. Tošić, J. & Palmberger, M. (2012) Introduction: Memories on the Move—Experiencing Mobility, Rethinking the Past. In: Tošić, J. (ed.) *Memories on the Move Experiencing Mobility, Rethinking the Past*. London: Palgrave MacMillan. pp. 1–15.
12. Berry, J.W. (1996) Acculturation and Psychological Adaptation. In: Bade, K.J. (ed.) *Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien*. Bd. 1. Osnabruck: IMIS-Schriften. pp. 171–186.
13. Ward, C. (1996) Acculturation. In: Landis, D., Bennett, J.M. & Bennett, M.J. (eds) *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 124–147.
14. Hansen, H.L. (2020) On Agonistic Narratives of Migration. *International Journal of Cultural Studies*. 1. pp. 1–17.
15. Dimitrov, R. (2015) Silence and invisibility in public relations. *Public Relations Review*. 41 (5). pp. 636–651.
16. Ericson, R.V. & Haggerty, K.D. (2006) *The new politics of surveillance and visibility*. Toronto: University of Toronto Press.
17. Coombs, D., Park, H.-Y. & Fecho, B. (2014) A silence that wants to be heard: Suburban Korean American students in dialogue with invisibility. *Race Ethnicity and Education*. 17 (2). pp. 242–263.
18. Jones, R.D., Robinson, J. & Turner, J. (2016) *The politics of hiding, invisibility, and silence: Between absence and presence*. London: Routledge.
19. Massari, A. (2021) *Visual Securitization. Humanitarian representations and migration governance*. Cham: Springer.
20. Falk, F. (2010) Invasion, infection, invisibility: An iconology of illegalized immigration. In: Bischoff, C., Falk, F. & Kafehsy, S. (eds) *Images of illegalized immigration: Towards a critical iconology of politics*. Bielefeld: Transcript. pp. 83–100.
21. Bleiker, R. et al. (2013) The visual dehumanisation of refugees. *Australian Journal of Political Science*. 48 (4). pp. 398–416.
22. Sigona, N. (2013) The politics of refugee voices: Representations. In: Sigona, N. et al. (eds) *The Oxford handbook of refugee and forced migration studies*. New York: Oxford University Press. pp. 369–376.
23. Khabibulina, Z.R. (2021) Islam i gender v internete: zhenshchiny, rezhim vidimosti i bor’ba so stereotipami [Islam and Gender on the Internet: Women, the Mode of Visibility and the Fight Against Stereotypes]. *Etnografiya*. 4 (14). pp. 119–137.
24. Banks, M. (2001) *Visual Methods in Social Research*. London: Sage.
25. Pechurina, A. (2009) “Там русский дух...”: veshchi v dome kak sposob vizualizatsii identichnosti migrantov v Velikobritanii [“There is a Russian spirit ...”: things in the house as a way to visualize the identity of migrants in the UK]. In: Yarskaya-Smirnova, E. & Romanov, P. (eds) *Vizual’naya antropologiya: nastroyka optiki* [Visual anthropology: tuning optics]. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 212–228.

## Информация об авторах:

Линченко А.А. – канд. филос. наук, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия); доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

**Аникин Д.А.** – канд. филос. наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: dandee@list.ru

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

***Information about the authors:***

**A.A. Linchenko**, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); associate professor, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

**D.A. Anikin**, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

*The authors declare no conflicts of interests.*

*Статья поступила в редакцию 23.01.2023;  
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.*

*The article was submitted 23.01.2023;  
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.*